

Содержание

<i>Н.И. Пригарина, Н.Ю. Чалисова. Предисловие</i>	7
ВВЕДЕНИЕ. «Русский Хафиз»	9
ГАЗЕЛИ 1–100. Тексты, переводы, комментарии	81
Указатель коранических цитат и аллюзий	453
Указатель имен	459
Литература	466
Summary	475

Предисловие

Настоящее издание состоит из двух частей. Первая часть [газели 1–100] подготовлена на основе издания: Пригарина Н.И., Чалисова Н.Ю., Русанов М.А. Хафиз. Газели в филологическом переводе. Часть 1 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XLII). М.: РГГУ, 2012. В новое издание внесены исправления и дополнения. Вторая часть [газели 101–200] является продолжением нашей работы над переводом газелей Хафиза и публикуется впервые.

Исправления, внесенные в часть 1, касаются прежде всего указателя коранических цитат и аллюзий, а также указателя имен. В издании 2012 г. по техническим причинам в последний момент была изменена пагинация макета, в связи с чем номера страниц в указателях оказались сбиты. В настоящем издании эти дефекты устранены. Кроме того, исправлены опечатки и внесены некоторые новые отсылки к источникам. При подготовке издания 2012 г. мы широко пользовались ценным электронным корпусом персидской поэзии Dorj-3 (CD, Mehr Argham Rayaneh Co., Tehran, 2007). Однако за минувшее десятилетие цифрового прорыва компакт-диски (CD) перестали быть рабочим инструментом, а онлайн-версия Dorj так и не появилась. В связи с этим мы заменили ссылки на Dorj-3 отсылками к печатным изданиям, что повлекло за собой и необходимые дополнения к разделу «Литература». В случаях, когда печатное издание собрания стихов какого-либо поэта оказывалось нам недоступным, мы вынужденно ссылались на тексты, включенные в общедоступный онлайн-корпус персоязычной литературы [Ganjoog], несмотря на почти полное отсутствие в нем библиографических сведений об использованных иранских изданиях.

В отсылках к «Дивану» Хафиза упоминание о газелях в диапазоне 1–100 указывает на тексты, переводы и комментарии, включенные в часть 1 настоящего издания; газели 101–200 включены в часть 2; упоминание о газелях в диапазоне 201–495 отсылает к [Хафиз, Рахбар] или любому другому изданию «Дивана» Хафиза в редакции Казвини — Гани. В ссылках на газели Хафиза первое число означает номер газели (по редакции Казвини — Гани), число через двоеточие — номер бейта.

Весной 2020 г., когда мы заканчивали работу над частью 2 настоящего издания, случилась беда — скоропостижно и безвременно ушел из жизни наш многолетний соавтор Максим Альбертович Русанов (08.02.1966–18.03.2020). Об этом сказано более подробно в конце вступительной статьи к части 2; здесь отметим только то, что ответственность за все изменения и дополнения, внесенные в текст [Хафиз, 2012] при подготовке нового издания, лежит лишь на нас двоих.

Н.И. Пригарина, Н.Ю. Чалисова
16 декабря 2021 г.

Введение. «Русский Хафиз»

Здесь пели две клавиатуры
На двух различных языках.
Н. Заболоцкий

Персидская поэзия богата великими, прекрасными и просто хорошими поэтами. Но в пантеоне мировой литературы нашлось место лишь для немногих из них. Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз Ширази (ок. 1315–1389) уже при жизни знал, что его имени уготовано бессмертие, а газели его не перестанут звучать на необозримых пространствах от «Ирака и Фарса» до «Бенгала и Кашмира». Но даже ему, чьи стихи в глазах его почитателей обладают непревзойденной провидческой силой, не было дано предугадать, как многозвучно отзовется его слово не только на Востоке, но и на Западе. Географическим размахом своей посмертной славы поэт, несомненно, обязан усилиям переводчиков. Заговорив на «различных языках», Хафиз обрел множество поэтических обликов, обусловленных талантом, знаниями и эстетическими пристрастиями его интерпретаторов, и навсегда вошел в традиции немецкой, английской, американской, французской и других литератур Запады. Именно из первых переложений Хафиза черпали европейские романтики странные и пленительные образы мусульманского Востока. «Восточный соловей» Гафиза запел и в русской поэзии, поначалу как бы перепевая западные переложения. Афанасий Фет был настолько восхищен немецкой версией Г. Даумера, что создал свой цикл «Из Гафиза», в предисловии к которому писал: «Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запады; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их породившей» [Фет, 1985, с. 315–316].

Обаяние хафизовской газели, сколь бы далеко ни отходили переводчики от оригинала, трогало сердца читателей и манило поэтов. Этому жанру отдали дань многие авторы Серебряного века: *газеллы* появились в русской литературе раньше, чем профессиональные переводы газели с персидского оригинала. Газеллы о «тонущей в неге розе», «стонущем соловье», «огневой муке сердца» и «пьяном дервише» в известной мере предопределили стилистику и образный фонд последующих переводов Хафиза для нескольких поколений поэтов-переводчиков.

Поэтические переводы неизбежно «осваивают» переводимого автора в русле национальной традиции. В этой книге мы предлагаем филологический перевод газелей Хафиза, и в нашу задачу входит, напротив, всемерная забота

о передаче особенностей оригинала. Настоящее введение призвано создать минимально необходимый контекст для дальнейшего знакомства с переводом.

* * *

Персидскую газель принято воспринимать как стихи, повествующие о вечном, никак не связанные с прозой бытия и стоящие над конкретными историческими обстоятельствами. Это так и не так. Поэтический тезаурус газели состоит из предельно обобщенных понятий, поэтому заключенное в ней вневременное послание доступно восприятию читателя и по прошествии многих веков. Но не стоит забывать о том, что каждая газель создавалась человеком своего времени, а поводом к ее сложению нередко служили как драматические события эпохи, так и перипетии личной жизни поэта. Автор мог оплакивать сад, покинутый розой, Сулаймана, потерявшего перстень, или опустевший трон Джамшида, а современники слышали в его стихах ясные политические намеки на судьбу очередного свергнутого правителя. Однако этот аспект содержания газели уходил из поля зрения читателя по мере того, как теряли актуальность связанные с ним события, и в наше время восстановить его в большинстве случаев невозможно. Историк персидской литературы может увидеть в газели отражение определенной ситуации и дать достоверный комментарий лишь в тех случаях, когда в тексте упомянуто некое имя или известный факт. Все остальные попытки понять содержание газели как аллегорию происходящего с поэтом или с кем-то из его современников принадлежат, как правило, к области вдохновенных спекуляций. Сказанное в полной мере относится и к Хафизу. Поместить каждую его газель в исторический контекст, однозначно соотнести ее с эпизодами плохо известной биографии автора и конкретными событиями, происходившими в Ширазе его времени, практически не удается, несмотря на усилия многих поколений иранских филологов. Однако некоторые исторические аллюзии в стихах поэта все же поддаются расшифровке, прежде всего потому, что об эпохе Хафиза известно все-таки гораздо больше, чем о его жизненном пути. «Язык тайны», которым написан «Диван», скрывает, наряду с прозрениями сокровенного, тайны политической и придворной жизни Шираза.

* * *

Расцвет культуры и драматические коллизии борьбы за власть в этом городе в XIV в. подготовлены чередой событий, берущих начало в одном из самых трагических эпизодов истории мусульманского Ирана. В 1220 г. на Иран обрушились орды Чингисхана. Нашествие монгольских завоевателей принесло стране неисчислимые бедствия. Было практически поголовно уничтожено население таких древних центров, как Термез, Рей, Герат, Мерв, Нишапур, а лучшие ремесленники и мастера увезены в рабство; культуре был нанесен сильнейший удар. Внук Чингисхана Хулагу-хан в 1258 г. окончательно уничтожил Багдадский

халифат и основал династию Ильханидов, правившую обширными территориями, куда входил и Иран. В период векового правления Ильханидов обозначились определенные позитивные перемены в иранском обществе. Так, историки отмечают подъем иранского национального самосознания, не в последнюю очередь связанного с противостоянием монгольской верхушке, сохранявшей свои племенные традиции. Именно в это время арабский язык на территории Ирана теряет свои позиции как язык науки. Исторические хроники, философские, религиозные и филологические трактаты теперь все чаще создаются на персидском языке. Расширяются культурные горизонты Ирана, усиливаются торгово-экономические связи со странами Запада и Востока: при дворах местных правителей появляются китайские художники, астрономы, врачи, в городах возникают поселения европейских купцов (подробнее см. в [СНІ 5, р. 416–417]).

Удачная политика правителей Шираза — атабеков Салгуридов, сумевших найти общий язык с монголами, уберегла город от разрушений и способствовала превращению Шираза в один из крупнейших культурных центров Ирана [Limberty, 2004, р. 16–17]. Однако в 1265 г. их правлению пришел конец, и до 1335 г. Шираз находился под прямым управлением монгольской династии Ильханидов, осуществлявшимся с помощью наместников. Жизнь Хафиза в Ширазе пришлось на время сравнительно короткого промежутка между концом правления Ильханидов и приходом Тимура с его чагатайским войском.

Это был период политической и социальной нестабильности, когда тирания мелких правителей и кровавые конфликты между местными силами, равными на части владения монголов, постоянно угрожали благополучию города и жизни частного человека [СНІ 6, р. 1–2]. Однако, как нередко случается в истории, упадок государства совпал с подъемом культуры. Расцвет поэзии в Ширазе, достигший вершин в творчестве Хафиза, происходил на фоне многократных переворотов и перехода власти от одной группировки к другой. Подсчитано, что только за период с 1339 по 1344 г., когда Хафиз был еще молод, правление в Фарсе сменилось восемь раз [Limberty, 2004, р. 32].

В течение всей творческой жизни Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз был тесно связан с ширазским двором, поэтому перемены во дворце всякий раз означали для него потерю покровителя и необходимость налаживать новые связи. В газелях не раз встречаются имена правителей, намеки на обретение или утрату ими престола, а также изящно завуалированные обращения к ним с просьбами о вознаграждении, которое поэт рассчитывает получить за свои стихи. Согласно Ш.-А. де Фушекуру, прямые и косвенные указания на конкретных исторических лиц можно усмотреть в 89 из 486 (по изданию Ханлари) газелей «Дивана» [Hafez de Shiraz, 2006, р. 47].

Отметим коротко основные вехи политической истории Фарса и его столицы Шираза времен Хафиза¹. Первой династией, с которой оказалась связана

¹ Наиболее подробные обзоры политических распри в Ширазе, происходивших в период творчества Хафиза, см. в [Му'ин, 1990, с. 275–349; Зарринкуб, 1970; Limberty, 2004].

жизнь поэта, были наместники Ильханидов в Фарсе — Инджуиды. Основатель династии Шараф ад-Дин Махмуд (правил с 1325 по 1333 г., казнен в 1336 г.) оставил четырех сыновей, каждый из которых в свое время претендовал на правление этой провинцией. Старший из сыновей — Джалал ад-Дин Мас'уд-Шах был назначен правителем Фарса в 1335 г., однако в том же году его место захватил второй из братьев — Гийас ад-Дин Кай-Хусрав. После смерти Кай-Хусрава в 1338 г. Мас'уд-Шах снова занял престол, но правил недолго. Годом позже третий брат — Шамс ад-Дин Мухаммад в союзе с Пиром Хусайном (представителем связанной с монголами династии Чупанидов), назначенным правителем Фарса, разбил войска своего брата. Однако вскорости Пир Хусайн казнил своего союзника под тем предлогом, что тот добивался единоличного правления. Ширазцы встретили враждебно ставленника монголов, он продержался около двух лет и был свергнут Абу Исхаком, который в 1342 г. уступил правление Фарсом своему оставшемуся в живых брату Мас'уд-Шаху. В том же году незадачливый Мас'уд-Шах был убит по приказу Чупанидов, однако им не удалось закрепиться в Ширазе, и на волне единодушной поддержки разных слоев горожан власть вернулась к последнему оставшемуся в живых брату — Абу Исхаку Инджу. Султан Джамал ад-Дин-Шах Абу Исхак правил Ширазом до 1353 г., чеканил монету со своим именем, имя его упоминалось в хутбе. Он стал независимым правителем Фарса наряду с Музафаридами в Йезде и Кермане, Джалаиридами в Ираке и Курдистане, Сарбедаридами в Западном Хорасане, Чупанидами в Азербайджане и Куртами в Герате и Северо-Восточном Иране. Известно, что уже при Мас'уд-Шахе Хафиз входил в число поэтов, несших поэтическую службу при дворе [Hafez de Chiraz, 2006, p. 53], а с Абу Исхаком, который был меценатом и ценителем поэзии, Хафиза связывали дружеские отношения (см. коммент. к газели 100:5).

Укрепившись в Фарсе, Абу Исхак вознамерился расширить свои владения и захватить Керман. В ответ правитель из династии Музаффаридов — Амир Мубариз ад-Дин Мухаммад Музаффар осадил Шираз. Осада продлилась шесть месяцев, и в 1353 г. город пал. Во время осады умер Хаджи Кавам ад-Дин Хасан Тамгачи, вазир (министр) Абу Исхака, 25 лет служивший Инджуидам и своей щедростью заслуживший любовь всех классов общества и снискавший похвалы Хафиза (см. коммент. к газелям 7:7; 11:10; 16:11 и др.); сам Абу Исхак бежал.

Власть в Фарсе перешла в руки династии Музаффаридов, правившей до 1393 г. Амир Мубариз ад-Дин, чрезвычайно набожный, суровый и требовательный властитель, приказал закрыть винные лавки, курильни опиума и дома терпимости и вознамерился даже разрушить могилу Са'ди, осуждая его поэзию как недостаточно благочестивую [Limbert, 2004, p. 36–37]. Он получил от ширазцев прозвище *мухтасиб* (так именовался чиновник, ответственный за соблюдение норм шариа).

Абу Исхак Инджу не оставил попыток вернуть себе власть в Фарсе, однако в 1357 г. он был захвачен в плен войском Музаффаридов, привезен в Шираз и казнен (см. коммент. к газелям 64:2; 81 и 82).

Нетерпимость и подозрительность Амира Мубариз ад-Дина вызывали недовольство даже самого близкого окружения; его сын Джалал ад-Дин Шах Шуджа' при поддержке брата заточил Амира Мубариз ад-Дина в крепость, предварительно ослепив его. Даже в этих обстоятельствах несдающийся правитель сумел добиться возвращения в Шираз и сохранения за собой номинальной власти. Однако его попытка с помощью заговора вернуть себе власть реальную провалилась; остаток жизни он провел в заточении в крайне суровых условиях и умер от болезней в 1364 г.

Расправившись с отцом-заговорщиком, Шах Шуджа' окончательно утвердился на ширазском престоле. Правда, борьба за власть с ближайшими родственниками сделала его правление весьма беспокойным. С одной стороны, в это время владения Музаффаридов максимально расширились; им принадлежали Фарс, Керман и Исфahan, они также контролировали Хузестан, Луристан и Белуджистан, а в 1375 г. даже ненадолго захватили Азербайджан и Арран. С другой стороны, страну раздирали непрерывные междоусобицы. Брат Шаха Шуджа' — Шах Махмуд, назначенный правителем Исфahана и Абарку, опираясь на поддержку Джалаиридов из Багдада, вел военные действия против брата и даже захватил Шираз (1364–1366). После смерти Шаха Махмуда в 1375 г. главными противниками Шаха Шуджа' стали его племянники — Шах Йахйа в Йезде и Шах Мансур в Шуштаре.

Образ жизни самого шаха и его двора также не способствовал политической стабильности. На многодневных пирах принимались неверные решения и совершались опрометчивые поступки. Так, в приступе пьяного гнева Шах Шуджа' приказал ослепить своего сына Султана Шибли. Здоровье правителя было подорвано бесчисленными оргиями, и он умер в 1384 г. в возрасте 53 лет, назначив преемником в Фарсе своего сына Зайн ал-'Абидина. Другие родственники получили в надел: брат Абу Йазид — Исфahan, другой брат Султан Ахмад — Керман, а племянник Шах Йахйа — Йезд. Умиравший правитель понимал, что Музаффаридам не устоять перед растущей мощью Тимура. Однако его попытки заручиться покровительством самаркандского властителя оказались тщетными. В 1387 г. Тимур впервые занял Шираз и назначил Шаха Йахйа вассальным правителем. А в 1393 г., во время второй оккупации города, все ширазские художники, ученые и ремесленники были перевезены в Самарканд, почти все наследники Музаффаридов уничтожены, а их владения разделены между тимуридскими военачальниками. Правителем Шираза стал сын Тимура — 'Умар Шайх². Так закончилась пора блистательного расцвета Шираза, которую часто называют «эпохой Хафиза».

² История правления Шаха Шуджа' изложена по [Limberty, 2004, p. 39–42].

* * *

Герой газелей Хафиза — это, безусловно, обитатель Шираза. Нынешний читатель вряд ли увидит реальных ширазцев под масками традиционных персонажей, таких как «мухтасиб», «аскет», «ринд», «возлюбленный друг», «старец-винооторговец» и проч., а топографию реального города — в условных поэтических локусах: «сад», «кабак», «базар», «обитель», «улица друга» и т.д. Однако для современников поэта содержание каждой газели было, конечно же, гораздо богаче, чем для нас, за счет того, что многие элементы лексикона газели не только рождали поэтические образы, но и вызывали определенные ассоциации, связанные с повседневной жизнью города. Так, для того, чтобы объяснить смысл какого-либо бейта Хафиза, в котором фигурирует мухтасиб, приходится прибегать к громоздкому комментарию. Необходимо сообщить, что так назывался городской чиновник, в обязанности которого входил контроль за торгово-ремесленной деятельностью, в частности за соблюдением мер и весов на базаре. Побочной (но в поэзии вышедшей на первый план) функцией городского мухтасиба был контроль за соблюдением норм мусульманской морали. Он обладал исполнительной властью и мог наказывать виновных без судебного разбирательства³; поэтому в газели мухтасиб — один из отрицательных персонажей и главных гонителей лирического персонажа, склонного заливать страдания вином. Этих сведений как будто достаточно, чтобы понять смысл следующего бейта: «При том, что вино сулит радость и ветерок рассыпает розы, // Не пей вина под звуки чанга, ведь мухтасиб настороже!» Но для любого ширазца середины XIV в. слово «мухтасиб», как уже говорилось, было прежде всего прозвищем ревнителя благочестия Мубариз ад-Дина (см. коммент. к газели 41:1, 7). И это локальное значение стало дополнительным смысловым компонентом бейта, придававшим ему злободневность в глазах ширазцев. Поэтому любые сохранившиеся в исторических хрониках сведения о системе управления городом, его социальной структуре, топографии, важнейших общественных зданиях, торговле и ремеслах, обычаях повседневной жизни и т.п. помогают лучше понять поэзию Хафиза. В хафизоведении существует немало серьезных работ, посвященных воссозданию облика Шираза XIV в.⁴ Одна из новейших — «Шираз во времена Хафиза. Средневековый персидский город в пору расцвета» американского ученого и дипломата Джона Лимберта [Limberty, 2004], вторая часть которой — «Город роз и соловьев» — рисует целостную и многоаспектную картину ширазской жизни.

Шираз был столицей области Фарс, однако правитель Фарса, проживая в Ширазе, редко вмешивался в дела городского управления. Эта функция была возложена на *вазира*, который контролировал деятельность чиновников по всей области. За поддержанием общественного порядка надзирал *шихна*, сбором

³ Подробнее об этом см. в статье О.Г. Большакова «Мухтасиб» в [ИЭС].

⁴ Упомянем здесь наиболее важные: [Гани, 1942; Arberry, 1960; Зарринкуб, 1970; Му'ин, 1990; Limbert, 2004].

налогов занимался *баскак*, контроль над стандартами мер и весов осуществлял *мухтасиб*. Многие из вазиров покровительствовали искусствам и наукам, они содержали собственные дворы, где собирались поэты, художники, музыканты, ученые. Завсегдаем подобных собраний (*маджлисов*) был и Хафиз. Однако, несмотря на большую власть, которой обладали вазирь, их жизнь постоянно подвергалась опасности, многие из них пали жертвой мнительности правителя или ненависти населения. Но основную роль в управлении городом играли не вазирь, отвлекавшиеся на дела, связанные с обширной территорией и внешней политикой; реальной полнотой власти в городе обладал *кази ал-кузат*, главный судья Фарса [Limbert, 2004, p. 80], под началом которого находились все судьи. В отличие от пришлых правителей и их министров, главный судья был, как правило, выходцем из местной знати и принадлежал к одной из наиболее влиятельных семей Шираза, владевших крупной земельной собственностью. Неудивительно, что именно кази доводилось представлять интересы населения Шираза перед правителем. Еще одним центром влияния в городских делах была хорошо организованная богатая и уважаемая группа *сеййидов* или *алавитов* (потомков Пророка через 'Али). Они, как правило, исполняли функции духовных руководителей, таких как *шейх аль-ислам*, проповедник, глава суфийского ордена.

Хафизу принадлежит знаменитый фрагмент (*кыт'а*), в котором он вспоминает времена шаха Абу Исхака, но восхваляет не его одного, а всю верхушку городского правления: это главный судья Маджд ад-Дин Исма'ил Фали (1271–1355); глава суфиев шейх Амин ад-Дин Балийани Казируни (ум. 1344); судья и ученый 'Азуд ад-Дин Иджи (ум. 1355); главный министр Кавам ад-Дин Тамгачи (ум. 1353) [Ibid., p. 75].

به عهد سلطنت شاه شيخ ابواسحاق
 به پنج شخص عجب ملك فارس بود آباد
 نخست پادشهی همچو او ولایت بخش
 که جان خویش پیرورد و داد عیش بداد
 دگر مربی اسلام شیخ مجدالدین
 که قاضی به از او آسمان ندارد یاد
 دگر بقیهء ابدال شیخ امین الدین
 که یمن همت او کارهای بسته گشاد
 دگر شهنشہ دانش عضد که در تصنیف
 بنای کار مواقف به نام شاه نهاد
 دگر کریم چو حاجی قوام دریادل
 که نام نیک ببرد از جهان به بخشش و داد
 نظیر خویش بنگذاشتند و بگذشتند
 خدای عز و جل جمله را بیامرزاد
 [Хафиз, Ханлари, 1983, с. 1065–1066].

Во время правления Шаха Шейха Абу Исхака
 Благодаря пяти удивительным людям процветало царство Фарса.
 Первый — такой как он, падишах, раздающий надель,
 Что порадовал свою душу и воздал должное веселью.
 Еще — наставник ислама, шейх Маджд ад-Дин,
 Судья, лучше которого не припомнит небо.
 Еще — последний из святых, шейх Амин ад-Дин,
 Его благословенное рвение разрешило трудные дела.
 Еще — шахиншах знания 'Азуд, который сочинениями
 Во имя шаха заложил основы *Дела стоянок*⁵.
 Еще — щедрый, такой как Хаджи Кавам, с сердцем, как море,
 Который снискал в мире доброе имя своими дарами и пожалованиями.
 Они не оставили себе равных и ушли,
 Да простит их всех великий и славный Бог!

Низовой ступенью городской организации были цеховые союзы ремесленников и группы жителей, объединенные по кварталам (*махалла*). Во главе их стояли руководители, именовавшиеся *кулувийан* (мн. ч. от *kulū* — «базарный смотритель», «квартальный надзиратель»). Под их контролем находились разнообразие чернорабочие и городские низы, «те, кого аристократы называли уничижительными именами *риндов* и *аубашей*» [Limbert, 2004, p. 90]. Но среди *риндов* и *аубашей*, известных своим опасным и разгульным образом жизни, были и те, кто называл себя благородными мужами (*джаванмардан*) и богатырями (*пахлаван*). В их полутайных объединениях культивировались высокие моральные принципы (гостеприимство к чужим и покровительство слабым) и физическая подготовка. Такие объединения представляли собой столь грозную силу, что правители города были вынуждены считаться с их настроениями и старались заручиться поддержкой их руководителей.

Шираз недаром называли «прибежищем знания» (*dār al-‘ilm*) и «твердыней святых» (*burj al-awliyā*). Город славился множеством медресе, во многих из них преподавали знаменитые ученые и хранились богатые собрания рукописных книг, которые постоянно пополнялись. Основание и содержание медресе считалось одной из наиболее почетных форм благотворительной деятельности, которой охотно занимались представители городской знати, как мужчины, так и женщины. Например, самое крупное медресе во времена Хафиза было основано матерью шаха Абу Исхака — Таши Хатун в 1343 г.

Религиозная жизнь Ширази протекала в многочисленных мечетях, а также в суфийских обителях — ханаках и рабатах (в Ширазе рабатами назывались как места обитания суфиев, так и комплексы зданий, располагавшихся вокруг могилы святого). Главная мечеть Ширази славилась своей красотой, а ее *имам*

⁵ «Дело стоянок» — намек на наиболее известный богословский труд 'Азуд ад-Дина «Стоянки в науке калама» [Limbert, 2004, p. 116].

(предстоятель на молитве), *ва'из* (проповедник) и *хатиб* (лицо, читающее пятничную проповедь) были заметными общественными фигурами в городе.

Основу экономического процветания города составляли производство и экспорт сельскохозяйственной продукции, главным образом пшеницы и ячменя; но самой важной статьёй экспорта был знаменитый ширазский виноград «мискали», из которого производили вино, уксус, сироп и изюм. В Фарсе выращивали фиалки, жасмин и нарциссы для изготовления разнообразной ароматической продукции. Цветочные эссенции и масла широко использовались в средневековой медицине и парфюмерии, а Фарс издавна славился их производством; так, ширазская розовая вода считалась лучшей в мире. Большим спросом пользовалась текстильная продукция Ширази — тонкие льняные ткани, муслин, шелк и тафта [Ibid., p. 67–68]. Ароматные цветы, прекрасные ткани и благовония, которые в газелях Хафиза могут показаться лишь данью поэтической условности, были в Ширазе повседневной реальностью городской жизни, а средоточием этой жизни был базар.

Базары играли важную роль в жизни любого мусульманского города, и торговая терминология уже в эпоху Саманидов стала частью языка лирической поэзии. Влюбленный мог «заключить сделку» с возлюбленным другом, описать свое сердце как годный или негодный товар, уподобить его фальшивой или золотой монете, сравнить знатока стихов или старца-наставника с базарным менялой, умеющим распознать настоящее золото. Этот торговый код, вероятно, вызывал у жителей Ширази не только поэтические, но и разнообразные житейские ассоциации, поскольку едва ли не все население города так или иначе имело отношение к торговле. Богатый и разветвленный центральный базар располагался у северных ворот Старой соборной мечети (*Jāmi'-i 'atīq*). Он был разделен на участки, закрепленные за тем или иным торговым объединением. Наряду с главным базаром в источниках упоминаются также специализированные (например, базар обувщиков) и местные базары.

Воспевание красот природы — древняя поэтическая тема, и к XIV в. она включала обширный репертуар устойчивых гиперболических оборотов (сад — рай, весенний ветер — животворное дыхание 'Исы и т.д.). Реальный Шираз, по свидетельству его обитателей и восхищенных путешественников, был настолько прекрасен, что по отношению к его ландшафтам подобные описания не выглядели преувеличением. Современник Хафиза и автор хроники «Шираз-нама» Ахмад ибн Аби-л-Хайр писал: «Если в мире можно сыскать райский сад, то это рынки кварталов, просторы окрестностей и четыре времени года этого города» [Му'ин, 1990, с. 142].

Шираз окружен горами, он расположен на высоте около 500 м над уровнем моря в зеленой долине с умеренным климатом. Особенно славится долгая и красочная ширазская весна, которая длится с начала февраля до мая, а также живописная теплая осень (октябрь — ноябрь). Если принять во внимание, что летом там не бывает изнурительной жары, а зимой — сильных морозов, то становится понятным, почему автор «Шираз-нама» включил четыре времени года в число «райских примет» города.

В Ширазе никогда не было нехватки воды. По свидетельству Ибн Баттуты, в XIV в. вода шла через город по пяти каналам, скрытым под землей в окрестностях и выходящим на поверхность внутри городских стен. Главным из этих каналов был воспетый ширазскими поэтами Рукнабад, вода в котором, по словам Хафиза, превосходит живую воду Хизра. В газели 279 [Хафиз, Рахбар, с. 378] Ширазу посвящены первые пять бейтов:

1. О, как прекрасен Шираз и его несравненное положение,
Боже, храни его от упадка!
2. Сто [пожеланий] нашему Рукнабаду: «Да не обездолит его Бог!»,
Ибо его прохладные воды даруют жизнь Хизра.
3. Меж Джа'фарабадом⁶ и Мусаллой
Веет его напоенный амброй ветер.
4. Приди в Шираз и милость Святого Духа
Найди у его просвещенного люда.
5. Кто помянул там о египетском сахаре,
Без того, чтобы сладостные его не пристыдили?!

На основе сравнения Ширази с райским садом в ширазском литературном кругу сложился комплекс мотивов восхваления родного города; особенно часто в этой связи поэты упоминали Мусаллу. Также поэтизировались цветники и розарии — здесь популярным образом стал ветер, напоенный их благоуханием.

Шираз столь прекрасен, что два гения персидского слова — объездивший весь мусульманский мир Са'ди и почти не покидавший родных мест Хафиз — утверждали, будто они не в силах расстаться с его красотой:

Не выпускают мой подол из рук
Земля Ширази и вода Рукнабада.

[Са'ди, 1996, с. 477, 154:15]

Не разрешают мне отправиться в путь
Дуновение ветра из Мусаллы и вода Рукнабада.

[Хафиз, Рахбар, с. 138, 101:9]

* * *

Если мы располагаем достаточным числом источников, позволяющих с определенной достоверностью реконструировать жизнь Ширази во времена Хафиза, то о жизни самого поэта сохранилось так мало сведений, что историкам литературы остается лишь область догадок, гипотез и предположений. Наиболее ранним дошедшим до нас источником считается предисловие

⁶ Мусалла и Джа'фарабад — живописные предместья Ширази.

к «Дивану» Хафиза (*muqaddima-yi jāmi'-i dīvān-i ḥāfiẓ*), приписываемое современнику поэта — Мухаммаду Гуландаму [Хафиз, 1941, с. صب - قيه]; хотя подлинность его некоторое время оспаривалась, однако в настоящее время она признана большинством иранистов [Meisami, 2002]. В жизнеописаниях Хафиза, которые помещены в антологиях поэтов (*тазкира*), составленных в более позднее время, содержится множество недостоверных сведений и очевидного вымысла (см.: [Browne, 1920, p. 271–273]). Вся информация о жизни поэта, как сохраненная в разнообразных *тазкира*, начиная с XV в., так и полученная в результате анализа корпуса стихов Хафиза, собрана, систематизирована и критически проанализирована в ряде изданий, с наибольшей полнотой — в работах Мухаммада Му'ина [Му'ин, 1990] и Баха ад-Дина Хуррамшахи [Хафиз, Хуррамшахи].

Полное имя поэта — Шамс ад-Дин Мухаммад, его литературное имя (*taxallus*) — Хафиз; на арабском языке *ḥāfiẓ* буквально значит «хранящий», а терминологически — «хранящий в памяти Коран», т.е. тот, кто читает Коран наизусть. Принято считать, что псевдоним был избран поэтом в связи с его профессией — с ранней молодости он был чтецом Корана и целиком хранил его в своей памяти. Глубокое знание Корана нашло отражение в многочисленных коранических аллюзиях и цитатах, постоянно встречающихся в «Диване». В иранских изданиях перед именем Хафиза часто добавляют почетный титул *Хаджа* (خواجه), т.е. «господин» — уважительное именование высокопоставленных чиновников, например министров, а также духовных наставников, шейхов. Порой этот титул используют даже как субститут имени поэта; так, турецкий комментатор Хафиза Суди (XVI в.) постоянно именуется автора комментируемых газелей просто Хаджа⁷.

Достоверно известно, что Хафиз родился и умер в Ширазе, относительно дат существуют незначительные расхождения. Согласно М. Му'ину, поэт родился в 715/1315 г., а у К. Гани указана более поздняя дата — 717/1317 г. Признанная в современной иранистике дата смерти — 792/1390 г., но в некоторых *тазкира* назван 791/1389 г.

Информации о семье Хафиза крайне мало, и она основывается на ненадежных и поздних источниках. По одной версии, его дед и отец происходили из Исфахана, имя отца — Баха ад-Дин. По другим версиям, отца поэта звали Камал ад-Дин и он был выходцем из Туйсеркана — города в провинции Хамадан. Есть сведения, что отец Хафиза был богатым купцом. Мать поэта была родом из Казеруна [Му'ин, 1990, с. 107–108]. Шамс ад-Дин Мухаммад был младшим из трех сыновей. Отец умер рано, достаток семьи закончился довольно скоро, и семья впала в нищету, а братьям пришлось расстаться. Младший сын остался на попечении матери, и, как сообщает *тазкира* «Май-хана», мальчик был передан на воспитание одному из жителей квартала. Когда ребенок

⁷ В газели 69 есть бейт, косвенно указывающий на то, что Хафиза называли Хаджа уже при жизни: «Вчера он уходил, и я сказал: “О кумир, выполняй договор!” // Ответил: “Ошибаешься, господин (Хаджа), в эту пору нет верности!”» (бейт 8).

подросток, его отдали в подмастерья в лавку хлебопека, и в обязанности его входило месить тесто. Во дворе лавки, продолжает автор тазкира, была школа, и подросток отдавал часть денег учителю, чтобы иметь возможность в свободное время посещать занятия. Именно там он выучил Коран [Там же, с. 113]. Один из братьев поэта умер в молодости, другой — в возрасте 59 лет. Эти данные извлечены из двух кыт'а Хафиза, написанных в жанре *тарих* (стихотворение с зашифрованной датой). Согласно одному из них, имя старшего брата — Халил 'Адил. Однако указанные кыт'а содержатся не во всех рукописях «Дивана», что дает основания М. Му'ину усомниться в достоверности этих фактов [Там же, с. 108–109]. В «Тарих-и Фиришта», созданном через два века после смерти Хафиза, упоминается, что у поэта была сестра, а также дети, однако имена их не названы [Там же]. Иногда делаются попытки привлечь «Диван» самого поэта как источник сведений о его семье, однако такие данные ненадежны, скудны и основаны на слишком буквальном толковании стихов. По общему мнению, как минимум в трех газелях имеются отклики на смерть любимого сына поэта (54:7, 8; 134:3, 4; 216:4, 5), см.: [Hafez de Chiraz, 2006, p. 32].

Наставниками Хафиза называют ряд известных ученых того времени, таких как Кавам ад-Дин 'Абдаллах Ширази, Мирсаид Шариф Джурджани и Кази 'Азуд ад-Дин Иджи, но историческая достоверность этой информации остается дискуссионной.

Хафиз стал вхож в придворные круги в сравнительно молодом возрасте и сохранял разнообразные связи с дворами правителей на протяжении всей своей жизни. Каждая смена власти для Хафиза означала, помимо прочего, появление новых объектов восхваления. Редкие упоминания в «Диване» имен и исторических событий (причем, как правило, в аллегорической и неявной форме) — единственный вид связанных с биографией поэта сведений, которые заслуживают доверия. У Хафиза складывались разные отношения с правителями, воспетыми в его стихах. Разумеется, реальные коллизии придворной жизни, дававшие импульс лирическим переживаниям, остаются за пределами газельного повествования, прежде всего в силу жанровой природы стихотворения. И тем не менее стремление иранских филологов связать газель с личными обстоятельствами жизни поэта можно понять, ведь объект их исследования — величайший поэт Ирана, награжденный в традиции титулами «Язык сокрытого» (*lisān al-ğayb*) и «Толкователь тайн» (*tarjūmān al-asrār*). Такой поэт не может существовать в истории литературы и культуры без биографии, а поскольку жизнь Хафиза оказалась еще одной «сокровенной тайной», на место фактов пришли легенды. Главным образом в них повествуется об обстоятельствах сложения газели, реакции на нее окружающих или о содержащемся в ней предсказании. Именно из таких легенд составлено житие поэта; оно, как правило, излагается в предисловиях к поэтическим переводам Хафиза, предназначенным для широкой публики⁸.

⁸ См., например, содержательные предисловия Е. Дунаевского к собственным переводам [Хафиз, 1935], Н.Б. Кондыревой к переводам Германа Плисецкого [Хафиз, 1981]; предисловие

Так, центральное событие жизни Хафиза — обретение поэтического дара — связывают с любовью поэта к ширазской красавице Шах-Набат. Эта романтическая легенда возникла как комментарий к знаменитой газели 183, открывающейся словами: «Вчера на рассвете избавление от печали нам дали, // И во мраке ночи живую воду нам дали». По легенде, Хафиз был начинающим поэтом и его ранние стихи не только не пользовались успехом, но часто становились объектом насмешек. К тому же, по некоторым сообщениям, он был неграмотен. В это время он добивался любви Шах-Набат, однако из-за своей бедности не мог рассчитывать на ее взаимность. Чтобы осуществить свое желание и приблизиться к возлюбленной, он дал обет провести сорок ночей в молитвах на могиле святого и поэта Баба Кухи Ширази. На сороковую ночь бдений и молитв ему явился сам 'Али, дал вкусить таинственного небесного яства, после чего поэт обрел великие знания и стал писать стихи непревзойденной прелести [Browne, 1920, p. 274; Му'ин, 1990, с. 136; Ардашникова, Рейснер, 2010, с. 357–358].

Еще с одной газелью (285:1) связана другая любовная история, приписываемая поэту. Во времена правления Шаха Шуджа' Хафиз влюбился в сына ширазского муфтия. Юноша был до такой степени средоточием прелести и красоты, что даже язык Хафиза оказался бессилем воспеть их достойным образом. Однажды поэту выпало вступить в беседу с объектом своей страсти. Они расположились на крыше здания, и Хафиз протянул отроку чашу с вином. Поэт не отрывал взгляда от юного красавца, втайне любясь прелестью его лица, а отрок созерцал свою красоту, отражавшуюся в глазах поэта. Соглядатаи донесли Шаху об этой встрече, и он, поднявшись на крышу, стал исподтишка наблюдать за происходящим. Когда поэт протянул другу очередную чашу и тот выпил ее залпом, Шах Шуджа' произнес строчку: «Хафиз [т.е. чтец Корана] наливает из бутылки, а муфтий пьет из пиалы». Хафиз экспромтом закончил бейт: «Во времена падишаха, прощающего ошибки и покрывающего грехи»⁹.

О том, как воспринималась газель Хафиза его современниками, рассказывает легенда о поэте и Тимуре-завоевателе, которую не обходит вниманием ни один из биографов Хафиза (см. наш коммент. к газели 3). Легенды о магической силе стихов распространяют воздействие строк Хафиза на последующие поколения читателей; согласно одной из них, император Аурангзеб, правивший в Индии (1659–1707), отменил свой жестокий приговор под влиянием одного лишь бейта Хафиза (см.: [Пригарина, 1991]). С приписываемой «Дивану» магической силой связана и практика поисков ответа на вопросы в его газелях и гадания (*fāl*) по его стихам. Существует легенда, согласно которой ширазские факихи отказались совершать мусульманский обряд над погребальными носилками Хафиза из-за того, что они усматривали в его стихах неподобающие

М.Л. Рейснер к сборнику переводов разных авторов включает раздел «Страницы легендарной биографии Хафиза» [Хафиз, 1999, с. 9–23].

⁹ См.: [Му'ин, 1990, с. 132], со ссылкой на книгу *Majālis al-'uššāq* Камал ад-Дина Хусайна Газаргахи, приписываемую Султану Хусайну Байкара.

и богопротивные мысли, а также из-за многочисленных нападок поэта на лицемерное благочестие святош. Уступив в конце концов уговорам, они согласились переложить решение на самого поэта: листки с разными бейтами сложили в кувшин и предложили ребенку вытащить один наудачу. Выпал бейт со словами: «Не сторонись похоронных носилок Хафиза, // Хоть он и погряз в грехах, но отправляется в рай» (газель 79:7). Прочитав эти строки, ученые богословы пришли в изумление, признали, что поэту ведомы сокровенные тайны, и совершили положенные обряды [Му'ин, 1990, с. 634–635]. Гадание «на Хафизе» широко распространено и по сей день (см.: [Пригарина, 2008, с. 4]).

* * *

Хафиза не назовешь плодовитым поэтом. В отличие от своих великих предшественников, таких как 'Аттар, Руми, Са'ди, и многих современников, он создавал почти исключительно газели, да и их число сравнительно невелико¹⁰. Помимо газелей Хафизу принадлежат два коротких маснави — «Книга виночерпия и книга певца» (*sāqī-nāma va tuḡannī-nāma*) и «Дикая лань» (*āhū-yī vaḫšī*), а также ряд кыт'а, касыд и несколько десятков руба'и.

Указать точное число произведений в разных жанровых формах затруднительно, поскольку единого канонического текста «Дивана» до сих пор не существует, а текстология по-прежнему остается базовой проблемой хафизоведения. Между тем, как справедливо отмечает Дж. Мейсами, насыщенность поэтического языка Хафиза рождает потребность в абсолютно надежном тексте [Meisami, 2002]. Уже в XIV в. Хафиз стал великим национальным поэтом и остается им по сей день. Понятно, что до появления литографированных и печатных изданий «Диван» постоянно копировали, к настоящему времени известно около 1000 рукописей, хранящихся в библиотеках Ирана и других стран, а еще больше манускриптов до сих пор не введено в научный обиход. Казалось бы, обилие рукописей предоставляет все возможности для подготовки достоверного критически выверенного текста, однако на деле эта задача оказывается трудновыполнимой. На сегодняшний день не существует консенсуса ни по одному из четырех текстологических параметров: количество газелей, количество бейтов в каждой газели, порядок бейтов в каждой газели, правильное чтение для каждого бейта. Более того, дискуссионна даже сама возможность постановки этих проблем. Ведь неизвестно, существовала ли когда-нибудь авторская версия «Дивана» Хафиза, к реконструкции которой должны стремиться филологи. Возможно, его газели хранились в памяти современников, исполнялись на маджлисах, записывались в сотни личных поэтических антологий

¹⁰ Хафизу принадлежит порядка 500 газелей, тогда как в «Диване» Руми их около 3,5 тысяч, при этом Руми является автором грандиозной «Поэмы о скрытом смысле» и других произведений; Са'ди кроме газелей (около 700 по изданию Фуруги [Са'ди, 1996]) написал прославленные дидактические сочинения — поэму «Бустан» и книгу «Гулистан» (орнаментальная проза), а также немало персидских и арабских касыд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru